

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

№ 5

МАЙ 1947

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

Отв. редактор проф. А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, чл.-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунский, проф. С. В. Калесник, акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов, проф. А. И. Молок, акад. В. И. Смирнов, проф. Б. А. Чагин (зам. отв. редактора), проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Щукарев

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД
1947

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская

АКАДЕМИК ПАВЕЛ КОНСТАНТИНОВИЧ КОКОВЦОВ И ЕГО ШКОЛА

1 января 1947 г. исполнилось пять лет со дня смерти акад. Павла Константиновича Коковцова, скончавшегося в осажденном Ленинграде на 81-м году жизни.¹ Старейший востоковед Союза, он по праву занимал место в первых рядах ученых всего земного шара. Немного имен может сопоставить востоковедная наука с его именем. Акад. П. К. Коковцов принадлежал к числу ученых, завоевавших русской науке мировую славу. Творческая личность его развилась не только в цвет, но и в плод; он оставил после себя и книги, и учеников. Насыщенность работ П. К. Коковцова, его глубокая ученость, отсутствие склонности к популярному изложению делали круг его читателей замкнутым, малым, специальным, казавшийся отвлеченным характер его знаний был доступен немногим.

Родился Павел Константинович 19 июня (2 июля) 1861 г. в Павловске под С.-Петербургом.

Павел Константинович учился дома, потом в I С.-Петербургской гимназии, курс которой он окончил с золотой медалью в 1880 г. Языками он увлекся с гимназических лет, хорошо овладел греческим и латинским, а в 8-м классе выучил древне-еврейский алфавит. Убежденный сторонник классического образования, он утверждал, что знание языков создает необходимую базу общих сведений и расширяет горизонт. По окончании гимназии, осенью, он поступил в С.-Петербургский университет на Восточный факультет, делившийся на разряды. Он занимался на еврейско-арабско-сирийском разряде и, кроме того, слушал лекции на арабско-персидско-турецко-татарском разряде и занимался санскритским языком. В студенческие годы был заложен глубокий фундамент тех знаний, которые Павел Константинович настойчиво, усердно, жадно собирал в течение всей своей жизни. Окончив университет, он представил сочинение на специальную конкурсную тему, которое было пробным камнем для студента, проверкой его способности к научной работе. „Халдейский перевод книги притчей Соломоновых“ и отношение Павла Константиновича к сирийскому переводу той же книги, находящемуся в Пешитте, сразу показали тонкий анализ, склонность молодого ученого к тщательной, углубленной работе и заслужили ему золотую медаль. Конечно, Д. А. Хвольсон, профессор С.-Петербургского университета, и особенно

¹ Эта статья памяти П. К. Коковцова, несколько дополненная теперь, была написана в осажденном Ленинграде в ближайшие после его смерти недели. Краткое извлечение из нее было опубликовано в „Вестнике Академии Наук СССР“ (1942, № 4, стр. 103—107).

академик В. Р. Розен не могли пройти мимо такого большого дарования. Павлу Константиновичу было предложено остаться при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре еврейско-сирийско-халдейской словесности, чему способствовал и В. Р. Розен, проявивший большое внимание к молодому талантливому семитологу. Между 1884 г., годом окончания университета, и 1893 г., годом защиты диссертации, жизнь Павла Константиновича протекает в углубленной работе над диссертационной темой, к которой он широко привлекал все новые материалы, умножая свои знания. В 1890—1891 гг. от напряженных умственных занятий и тягостно сложившихся в семье отношений он заболел неврастенией в тяжелой форме и вынужден был временно оставить свою работу и даже ездил лечиться за границу.

С января 1894 г. Павел Константинович приступил к чтению лекций в университете в качестве приват-доцента. В 1900 г. он был назначен экстраординарным профессором, в 1912 г. ординарным профессором кафедры еврейской, сирийской и халдейской словесности. Начав с преподавания еврейского и сирийского языков, он продолжал эти лекции в течение нескольких десятков лет. Простой перечень курсов которые он читал, может дать представление о том, как полно он охватывал семитологию, в каких различных областях работал и учил. Его преподавательская деятельность охватывала чтение и толкование Библии, распространялась на семитическую эпиграфику, арамейские папирусы, мидраши, средневековые тексты. Курс „Введение в семитологию“ был поставлен на Филологическом факультете, и в 1907/1908 г. вел его Павел Константинович. Его интересовала и ассириология: в 1909/1910 г. он читал на Восточном факультете соответственный курс, к которому неоднократно возвращался в дальнейшем. К числу его излюбленных курсов принадлежали чтение и толкование книги Исаии и книги Иова. Поражала та особая манера, с которой он переводил так хорошо знакомый ему библейский текст, подыскивая все новые выражения и эквиваленты, умножал объяснения, отказывался от собственных вариантов, чтобы дать иные, еще более тонкие и совершенные. Комментарий его был свободным, интересным, живым, включавшим не только точные филологические соображения, но и глубокое понимание текста, его философское и историческое истолкование. До чего доходило скрупулезное отношение Павла Константиновича к его научной работе, говорит тот факт, что выросшее из его университетского курса толкование на книгу Иова так и не было опубликовано им при жизни, он находил все новые и новые поводы для того, чтобы отложить эту работу и затем вновь к ней возвратиться, добавить, изменить. Он считал, что работа должна достигнуть совершенства, прежде чем быть опубликованной. Наравне со своей личной научной работой, Павел Константинович увлекался и университетской деятельностью. При всей своей необщительности, угловатости характера, он создал школу, преемственно передал свои знания группе учеников. Его лекции не привлекали внешней стороной, блеском или совершенством, но их глубина, исключительная обдуманность, тщательность обработки не могли пройти незамеченными и для начинающих студентов. Ищущие знания понимали, к какому кладу премудрости они пришли. При всей строгости своих требований, он был чрезвычайно выдержан в своем обращении, внешне суровый, он был трогательно привязан к отдельным своим ученикам. В то же время у него был верный, наметанный взгляд на них, позволявший ему быстро их оценивать и определять их пригодность к научной

работе. Чаще он выносил отрицательный приговор и редко менял этот свой взгляд на человека. Покорить его могли только действительная талантливость и упорство в работе, к которым он относился с соответствующим уважением. Акад. П. К. Коковцов воспитывал учеников на своей филологической работе, давал им общее направление. Ученик его становился гебраистом, ассириологом или проявлял особую склонность к арабско-еврейской литературе. Но Павел Константинович не указывал тем, не задавал их своим ученикам, предоставляя им выбрать их самим. Радуюсь их успехам, он был верен своей натуре: просматривая работу, вышедшую из печати, взглядом сурового критика, указывал на ошибки, недочеты, спорил, но скупые слова одобрения из его уст были дороже многих других похвал. Автору-ученику было подарком, когда он увлекался и отмечал в работе черты, казавшиеся ему особенно ценными. Двадцать пять лет знакомства с ним заставили во многом забыть его суровость, болезненную мнительность, обидчивость и видеть в нем умного, тонкого, чуткого и доброго человека, каким он и был на самом деле.

По своей научной деятельности Павел Константинович был связан с рядом научных обществ и организаций. Палестинское общество числило его своим членом, он принимал участие в кружке при нем, где иногда даже председательствовал. Связь с Русским Археологическим обществом поддерживалась им интенсивно, он постоянно печатался в „Записках“ Восточного отделения этого общества, — органе, роль которого в русском востоковедении вообще, не только в археологии, очень значительна. Сотрудничать здесь он начал с 1889 г. и принимал живое участие в деятельности общества, бывал на заседаниях, интересовался выборами председателя (управляющего, как он тогда назывался) и секретаря отделения. Такая форма проявления общественной жизни была ему близка, занимала его. Интерес к археологии и эпиграфике выразился в целом ряде статей: о мозаиках Нираба, о надписях и древностях из Пальмиры. Внимание П. К. Коковцова к рукописным фондам возникло очень рано, с первых шагов его деятельности, — в 1889 г. им была составлена „Заметка об эфиопских рукописях имп. С.-Петербургской публичной библиотеки“.¹ К тому же времени, однако, определилась специальная склонность Павла Константиновича к занятиям еврейско-арабской литературой. Основной его труд, его диссертация „К истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы“² была в известной мере сенсацией в ученом мире, вызвала рецензии крупнейших семитологов того времени — Бахера, Деранбура, Нейбауера. На диспуте В. Р. Розен сказал диссертанту частным образом, что последний ведь совершенно не боялся своих оппонентов, потому что у него в кармане находились блестящие отзывы крупнейших европейских ученых. Книга Ибн Баруна была открыта Павлом Константиновичем в Публичной библиотеке. Она входила в состав превосходного кодекса, принадлежавшего к собранию Фирковича. Этот арабский оригинал был напечатан еврейскими буквами, с переводом, комментарием и обширным введением. Бахер отметил „тщательное привлечение всех соответствующих работ“.³

¹ Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т IV, 1889 г.

² К истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы. Книга сравнения еврейского языка с арабским Абу-Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна, испанского еврея конца XI и начала XII в. СПб., 1903; стр. VI+158+100.

³ В а с h e r. Die hebräisch-arabische Sprachvergleichung des Abu Ibrahim Ibh-Baruh. Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, 1894, 14. Jahrgang, S. 224.

Второй раздел его труда, характеризующий грамматические взгляды автора трактата, по мнению Бахера, был им выполнен с большим знанием предмета и тщательностью („grosse Sachkenntnis und Sorgfalt“), которые заметны в каждой странице этого сочинения П. К. Коковцова.¹ Достаточно сказать, что рецензия Бахера заняла 26 страниц и входила во все детали этой блестящей русской работы.

Деранбур также проанализировал сочинения последнего грамматика XI в., давшего не только грамматическое, но и лексикографическое сравнение еврейского и арабского языков. Единственным упреком, который Деранбур сделал Павлу Константиновичу, было то, что он смешал перевод со своими замечаниями и примечаниями. Тем не менее, он называет его издание прекрасным („une belle publication“) и считает, что автор выполнил свою задачу талантливо—(„s'est acquitté de sa tâche avec talent“).²

Не менее положительный отзыв об издании Ибн Баруна и исследовании П. К. Коковцова был дан Нейбауером. Он уделил внимание III и I частям труда, отзываясь с похвалой „о распространенных и полезных заметках о еврейских и арабских писателях, цитированных Ибн Баруном“. ³ Он высоко оценил научные данные издателя текста П. К. Коковцова. Для молодого ученого эти блестящие отзывы, конечно, сыграли большую роль и сразу выдвинули его в ряд видных семитологов того времени.

Этому направлению своих работ Павел Константинович остался верен в течение большей части своей жизни. В 1897 г. он поместил в „Сборнике статей учеников профессора В. Р. Розена“ статью „Толкование Танхума из Иерусалима на книгу пророка Ионы“. ⁴ Автор толкования, живший в половине XIII в., дал экзегезу аллегорически-философского характера. Книга Ионы, как и другие библейские книги, понималась им в прямом и в переносном, символическом смысле. Текст был найден П. К. Коковцовым во 2-м собрании Фирковича в Публичной библиотеке и в Оксфордской рукописи (Ms. Pos. 344) Бодлеянской библиотеки. К тексту приложен превосходный русский перевод и многочисленные подстрочные замечания. К этой же группе работ относится и статья „Из книги «Беседы и упоминания (Китаб ал Мухдара вал Музакара) Моисея Ибн Эзры“, опубликованная в 1895 г., как и другие мелкие заметки о еврейско-арабских рукописях Публичной библиотеки. Это направление исследований Павла Константиновича можно считать основным, оно наиболее глубоко и длительно определило его научное творчество. Сочинение Ибн Эзры охарактеризовано им как „первый очерк истории еврейской поэзии и изящной речи“, руководство по еврейской риторике и пиитике и связанным с ними вопросами. ⁵ Для этого издания Павлом Константиновичем были привлечены полная рукопись, хранящаяся в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде, и четыре фрагментарных рукописи 2-го собрания Фирковича из Публичной библиотеки. Характерно для личности Павла Константиновича следующее его замечание: „Не имея возможности пользоваться во

¹ Bacher. Die hebräisch-arabische Sprachvergleichung des Abu Ibrahim Ibh-Baruh. Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, 1894, 14. Jahrgang, S. 225.

² Derenbourg. Kokowzoff. Contribution à l'histoire de la philologie hébraïque et la littérature juive-arabe au moyen âge. Revue des études juives, t. 30, 1895, p. 158.

³ Neubauer The Book of the Comparison of the Hebrew Language. The Jewish Quarterly Review, v. VI, 1894, p. 569.

⁴ Сборник статей учеников профессора В. Р. Розена ко дню 25-летия его первой лекции. 1872—1892. СПб., 1897, стр. 97—168.

⁵ Восточные заметки. Сб. Факульт. вост. языков. СПб. унив. СПб., 1895, стр. 193.

всей полноте оксфордским текстом, мы принципиально воздержались от всяких сличений даже в тех отдельных случаях, где это было вообще возможно на основании выдержек в различных сочинениях“ (стр. 195).

Диссертация П. К. Коковцова показала его большие способности, усидчивость, углубленные знания. Поразила европейских ученых его эрудиция, которой можно было и не ожидать у тогда еще молодого ученого, как и тот факт, что такая замечательная книга появилась именно на русском языке. Это в полной мере справедливо и для второй части труда, которую он выпускал как солидный ученый, с громким научным именем. Характерны слова, которыми он начинает издание этого исследования: „Настоящий второй том задуманной нами приблизительно двадцать пять лет тому назад серии исследований по истории средневековой еврейской филологической науки появляется, вопреки нашим ожиданиям, со значительным запозданием и содержит не то, что первоначально предполагалось в нем дать“. ¹ Том посвящен деятелям „расвета испано-еврейской филологической школы в X—XI веке“. Обе книги остаются образцом филологических исследований и до настоящего времени, как исключительные по своему методу, точному и совершенному, по эрудиции, заслуживающей удивления. Пятьсот страниц второго тома составили новый солидный вклад в науку, по которому следует учиться. Этот раздел семитологии—еврейско-арабская средневековая литература—был центром научных интересов П. К. Коковцова, впрочем очень широких.

Затягивая время опубликования своих работ, Павел Константинович выверял каждое слово, каждую мысль. Задерживала его научная добросовестность, вернее щепетильность и остро развитое чувство ответственности за высказанные им взгляды и мнения, вес и значение которых он вполне учитывал.

П. К. Коковцов принадлежал к числу тех ученых, которые поддерживают мировые связи. Интересна его живая научная переписка с В. Р. Розеном и Ф. Е. Коршем. К нему обращались из Европы и Америки, и трудно было себе представить более обязательного и аккуратного корреспондента. Сам он неоднократно бывал за границей и охотно рассказывал о своих впечатлениях. В 1899 г. он принял участие в XII Международном конгрессе ориенталистов в Риме. Он составил о занятиях этого конгресса заметку, в которой подробно излагал содержание сделанных докладов и сообщений. ² Для его настроений того времени, когда научная жизнь составляла для него всю жизнь вообще, характерны заключительные строки этой заметки: „Оживленная деятельность нашей секции особенно бросалась в глаза при сравнении с работой других секций, проявивших самую слабую, если не совсем ничтожную деятельность“. „Мы с радостью убедились, что семитическая наука во всех ее важнейших составных частях (семитическая филология, история семитических литератур, ветхозаветная наука и т. д.) еще продолжает насчитывать множество верных приверженцев и мужественных борцов и что за будущность нашей науки поэтому пока нечего опасаться“ (стр. 094).

¹ Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагида и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI, XII вв. Пгр., 1916, стр. 1.

² Занятия семитической секции XII конгресса ориенталистов в Риме (с 4 по 15 октября нов. ст. 1899 г.). Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. 12, СПб., 1900, стр. 076—091.

В разное время своей жизни Павел Константинович посетил Францию, Италию, Германию, Англию, путешествовал по Греции, куда его привлекли Афины и Парфенон. В Константинополе непередаваемая красота Ая, Софии и Золотой Рог оставили по себе впечатление на всю жизнь.

С именем П. К. Коковцова связаны исследования группы древних арамейских памятников. В статье „Древне-арамейские надписи из Нираба“¹ он предложил новое и весьма удачное чтение непрерывного письма этих замечательных надписей (стр. 153, 158, 169) и датировал их VII в. до н. э. Тщательному исследованию кафр-кеннской мозаичной надписи он придавал большое значение как найденной в Галилее. Язык этих памятников давал основания для их сближения с галилейско-арамейским диалектом, представляющим выдающийся научный интерес.²

На долю П. К. Коковцова выпала удача издания арамейских надписей из Пальмиры, неизвестных до того времени. Он дал им всестороннюю характеристику с точки зрения художественной оценки памятников, палеографии, языка. Хорошая сохранность надписей помогла восстановить историю крестообразной катакомбы, из которой они происходили. Катакомба переходила в собственность от одних лиц к другим и относится, по мнению издателя надписей, ко II в. до н. э.³ Это направление исследований было продолжено в статье „К пальмирской археологии и эпиграфике“, где П. К. Коковцов дал описание пальмирских рельефов и их надписей, представлявших собою надгробные изречения.⁴

Работы Павла Константиновича по археологии и эпиграфике связали его не только с Русским Археологическим обществом, но и с Эрмитажем, где, как известно, собрана первая и лучшая коллекция пальмирских древностей. Приобретение русским правительством для Эрмитажа Пальмирского тарифа было произведено по специальной записке П. К. Коковцова. Он задумал издание этого единственного в своем роде памятника и с большим тщанием сам подготовил к печати превосходные фототипии. Издание тарифа в целом, с его греческим и арамейским текстами, не было, однако, осуществлено, так как он длительно с ним медлил; его успел опередить Клермон Ганно, опубликовавший этот замечательный пальмирский памятник. Так П. К. Коковцов не только творчески работал над своими исследованиями и вводил русский язык в обиход мировой науки, но был способен побуждать к приобретению ценностей, которые должны были способствовать развитию отечественной науки.

С Публичной библиотекой Павла Константиновича связали еще более тесные и длительные отношения, чем с Эрмитажем. Он работал над описанием собраний рукописей Фирковича, Порфирия Успенского и других и был чрезвычайно счастлив в своих находках. Им были описаны эфиопские рукописи Публичной библиотеки, использованы еврейско-арабские рукописи, среди которых он нашел сочинения Ибн Баруна и другие. Найденный акад. Н. Я. Марром палимпсест,

¹ Древне-арамейские надписи из Нираба. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. 12, стр. 145—178.

² Мозаика с еврейской надписью, найденная в Кафр-Кенне. Изв. Правосл. Палест. общ., СПб, 1902, т. XIII, часть 2, № 1.

³ Новые арамейские надписи из Пальмиры. Изв. Русск. Археол. инст. в Константинополе, т. VIII, 3, София, 1903, стр. 21.

⁴ К пальмирской археологии и эпиграфике. Изв. Русск. Археол. инст. в Константинополе, т. XIII, София, 1908, стр. 277—302.

верхний слой которого был грузинским, был прочитан П. К. Коковцовым в нижнем слое, древне-еврейском, и издан как „Еще один рукописный фрагмент Иерусалимского Талмуда.“¹

Замечательно было и другое издание, осуществленное П. К. Коковцовым, — сиро-палестинские фрагменты, обнаруженные им в коллекции Порфирия Успенского в Публичной библиотеке. Этой публикацией издатель справедливо гордился,² утверждая, что редчайшие остатки сиро-палестинской литературы ценятся на вес золота. Значение его находки увеличивалось еще тем, что найденные им листы не были палимпсестами, как большинство сиро-палестинских фрагментов. Транскрипция текста дана еврейским алфавитом, кроме французского перевода приложен еще и греческий, так как издатель предполагал, что гомилия, отрывок которой находился в его руках, представляла собою перевод с греческого, неизвестного ему текста. Критика чрезвычайно положительно отозвалась о „Nouveaux fragments syro-palestiniens“, а их превосходные фототипии заставили высказать одного из рецензентов мнение, что утеря подлинника после издания П. К. Коковцова не могла бы иметь значения.

Упомянутое издание входит в круг его исследований в области сириологии. В 1902 г. под его редакцией была опубликована „История сирийской литературы“ Райта в русском переводе, сделанном К. А. Тураевой, с примечаниями, ценными библиографическими и другими дополнениями, которые были даны им.³ Такое пополненное издание Райта не потеряло своего значения и до настоящего времени, когда настольной книгой сириологов стала история сирийской литературы Баумштарка, изданная в 1922 г.

Широкий кругозор и знание многих восточных языков позволили П. К. Коковцову осуществить такую трудную работу, как чтение сиро-тюрецких надгробных надписей, найденных в Семиречье, близ Пишпека и Токмака. В этом случае он продолжил работу своего учителя, проф. Д. А. Хвольсона, впервые опубликовавшего сиро-тюрские надписи надгробий с берегов Иссык-кульского озера. Надписи, изданные русскими семитологами, привлекли к себе внимание ученых как свидетельство глубокого проникновения сирийской культуры несториан в среду народов, населявших Среднюю Азию.

В статье „К сиро-тюрецкой эпиграфике Семиречья“ П. К. Коковцов подробно остановился на истории открытия этих памятников⁴ и дал исключительно интересный анализ способа транскрипции тюркского языка семитическим алфавитом (стр. 777—781). Текст сиро-тюрецких надписей был дан в транскрипции, с русским переводом и снабжен превосходным комментарием (стр. 782—796). В других статьях он опубликовал новые надписи и их исследования, развернув в полной мере свою замечательную эрудицию.⁵

¹ Еще один рукописный фрагмент Иерусалимского Талмуда. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. XI, СПб., 1898, стр. 195—215.

² P. K. K o k o w z o f f. Nouveaux fragments syro-palestiniens de la Bibliothèque de St. Petersburg, 1906.

³ В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. Перевод с английского К. А. Тураевой. Под редакцией и с дополнениями проф. П. К. Коковцова. СПб., 1902.

⁴ К сиро-тюрецкой эпиграфике Семиречья. Изв. Акад. Наук, 1909, стр. 773—796.

⁵ Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии. Изв. Акад. Наук, СПб., 1907, стр. 427—458; Христианско-сирийские, надгробные надписи из Алмалыка. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., СПб., 1905, т. 16, стр. 0190—0200.

В 1903 г. П. К. Коковцов был избран в адъюнкты Академии Наук по литературе и истории азиатских народов, а в 1909 г. в действительные члены Академии.

Широкие интересы П. К. Коковцова привели его к работам, связанным с историей и литературой народов СССР. В 1912 г. в статье „К вопросу о „логике Авнасафа“ он указал на подлинник древнерусского текста этой замечательной логики.¹

Последние работы П. К. Коковцова были связаны с источниками по истории хазар. Еще в 1913 г. он заинтересовался кругом этих вопросов и опубликовал в „Журнале Министерства народного просвещения“ заметку „Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в.“.² Дважды Павел Константинович побывал за границей, в Англии, со специальной целью исследовать еврейско-хазарские рукописи — в Кембридже и Оксфорде. В отчете о командировке он писал: „Мне хотелось, прежде всего, расследовать открытую в последнее время д-ром Шехтером среди рукописных сокровищ Каирской генизы, приобретенных для Кембриджской университетской библиотеки, еврейскую рукопись, в которой нашлись в высшей степени любопытные, в своем роде единственные данные об одном из древних русских князей Олеге“.³ В центре его интересов стояли еврейско-хазарские документы. Он сделал списание рукописи Christ Church College 193 из Оксфордской библиотеки с изданным текстом еврейско-хазарской переписки, извлеченной из сочинений XVI в. QoI Mebasser Исаака Акриша. В течение месячного пребывания в Англии в 1926 г. П. К. Коковцов тщательно провел эту работу, тогда как в 1922 г. его поездка в Кембридж оказалась бесплодной, потому что рукопись в то время находилась в Нью-Йорке.

Результатом его длительной работы над памятниками, связанными с этим вопросом, явилась целая книга.⁴ В предисловии к ней он писал, что стремился дать „проверенный текст и перевод всех документов, относящихся к еврейско-хазарской переписке в X в. и помочь таким путем сдвинуть, наконец, с мертвой точки все еще нерешенный вопрос о самой подлинности некоторых из этих документов“. Далее, в подробном анализе памятника он выяснил соотношения между пространной и краткой редакцией переписки, которую он считал подлинной (стр. XXV, XXVI).

Связанные с историей хазар документы имеют достаточное число исследователей, и П. К. Коковцов свел исчерпывающим образом взгляды всех предшествующих авторов на них. Его желание, чтобы хазарская переписка стала доступной и была использована исследователями в хорошем издании и переводе, не осталось втуне, — она была использована М. И. Артамоновым в его книге по истории хазар. К этому вопросу обратился и известный бельгийский ученый Грегуар. Последний вернулся к взглядам исследователей, относившихся с сомнением к подлинности еврейских документов о хазарах, и дал поэтому своей статье своеобразное название „Le glözèl khazare“.⁵ Грегуар отдал должное прекрасному изданию русского ученого и его эрудиции

¹ К вопросу о „логике Авнасафа“. Журн. Мин. нар. проsv., 1912; отд. оттиск., СПб., Сенатская типография, 1912, стр. 1—22.

² СПб., 1913, ноябрь, стр. 150—172.

³ Заметка о еврейско-хазарских рукописях Кембриджа и Оксфорда. Докл. Акад. Наук СССР, 1926, стр. 121.

⁴ Еврейско-хазарская переписка в X в. Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1932.

⁵ H. Gregoire. Le glözèl khazare. Byzantion, v. 12 (1937), p. 255.

в данном вопросе. Существенно отметить, что труд П. К. Коковцова связал его с проблемами истории нашей родины и что он остановился на рассмотрении вопросов, которые разрабатывал Дорн в своем „Каспии“.

Несмотря на слабое здоровье и известную необщительность характера, акад. П. К. Коковцов оказался связанным с целым рядом учреждений, где его деятельность носила своеобразный, чисто индивидуальный характер.

Работники Публичной библиотеки сохранили память о его деятельности. Главный библиотекарь Рукописного отдела Библиотеки Иван Афанасьевич Бычков был его близким другом. Публичной библиотеке Павел Константинович оказал неоценимые услуги тем, что разобрал, пересмотрел и описал коллекции Фирковича, которые дали столько материалов для его исследовательской работы. Через его руки фактически прошел весь семитический фонд Библиотеки, и рукописи, предполагавшиеся к приобретению, представлялись ему на судение.

Не меньше, чем Публичная библиотека, П. К. Коковцову обязан Эрмитаж, — приобретением, например, Пальмирского тарифа. Подлинность одного серебряного блюда из Эрмитажа, с сирийскими надписями, на основании палеографических данных была им подвергнута сомнению. Впоследствии подделка блюда была доказана специалистами-искусствоведами.

Деятельность Павла Константиновича в Восточном отделении Русского Археологического общества уже была отмечена выше. Большая часть его жизни прошла в С.-Петербургском университете. Здесь сложились его дружеские связи и в совете профессоров, с Д. К. Петровым, И. И. Толстым, Л. В. Щербой. Он с оживлением вспоминал заседания факультета и, видимо, находил удовольствие в обмене мнениями, не прочь был принять участие в той или другой комбинации сил, в живой игре отношений, дружественных и антагонистических. Здесь он вырастил и целую плеяду учеников, среди которых имеются гебраисты, ассириологи, историки Востока, семитологи-лингвисты; но никто из них не смог охватить всего многообразия семитологических интересов учителя. Это своеобразие и особое место, которое П. К. Коковцов занял среди своих современников отметил и акад. И. Ю. Крачковский, справедливо назвав его „первым и последним у нас семитологом энциклопедического охвата“.¹

Лекции П. К. Коковцова не привлекали большой аудитории, но крупнейшие ученые бывали на его занятиях и посещали отдельные курсы, которые он читал.

К числу занимавшихся у него древнееврейским языком, ассириологией и эпиграфикой принадлежит крупнейший советской ученый, акад. В. В. Струве. Сочетав египтологию со знаниями семитологической школы своего второго учителя, В. В. Струве дал ряд блестящих исследовательских работ, из которых достаточно назвать его раннюю работу „Израиль в Египте“, где автор сопоставил сведения египетских папирусов с библейскими текстами, или солиднейший труд — издание текста и перевода математического папируса.² Ши-

¹ Акад. И. Ю. Крачковский. П. К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861—1942). Изв. Акад. Наук СССР, серия Отд. литерат. и яз., 1944, т. III, вып. 6, стр. 271—279.

² В. В. Струве. Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики. Ггр., 1919; W. W. Struve. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museum der schönen Künste in Moskau. 1930.

рокий диапазон знаний В. В. Струве, сделавший его специалистом по истории древнего Востока во всем ее объеме, позволяет ему читать древнеперсидские, эламские, урартские надписи, ассирийскую клинопись так же, как он читает иероглифические и демотические тексты. Из школы П. К. Коковцова он вынес безукоризненный филологический метод. В. В. Струве умел понять все особенности, все своеобразие П. К. Коковцова, который был очень к нему привязан и считал его своим другом.

Близок к Коковцову был и его любимый ученик, продолжавший курсы своего учителя и переживший лишь на полгода своего учителя — проф. А. Я. Борисов. Прекрасный знаток древнееврейского и арабского языков, больше других разделявший вкусы и интересы своего учителя, А. Я. Борисов работал в разных областях семитологии. Его дарования и талант развились и углубились благодаря постоянному общению с П. К. Коковцовым, вниманию и интересу последнего к работам ученика. Продолжая исследования своего учителя по разысканию новых материалов в собрании Фирковича, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, он опубликовал фрагменты рукописей, дающие новые материалы о мутазелитах, перевод Метафизики псевдо-Аристотеля — трактата, сыгравшего исключительную роль в развитии средневековой философии. А. Я. Борисов дал новое и в области эпиграфики. Ему удалось чтение трудных и часто загадочных текстов мандейских магических чаш, арамейских амулетов и пехлевийско-арамейских надписей. Одну из своих статей А. Я. Борисов считал своим долгом посвятить „Дорогому учителю Павлу Константиновичу Коковцову скромный знак вечной признательности“.¹ В Ленинградском Государственном университете А. Я. Борисов успешно продолжал деятельность своего учителя по подготовке кадров семитологов, и только преждевременная смерть прервала его молодую и творческую жизнь.

В числе учителей покойного чл.-корр. Академии Наук СССР проф. Н. В. Юшманова был и акад. П. К. Коковцов, который помог ему развить его блестящие лингвистические способности. Созданный Павлом Константиновичем курс сравнительной грамматики семитических языков нашел достойное продолжение. Н. В. Юшманов не только читал этот курс в университете со значительными дополнениями и новыми данными, но и развил его в своих исследованиях. На основании глубокого сравнительного анализа семитических языков, Н. В. Юшманов дал грамматические экскурсы, развивая отдельные вопросы, которые затрагивал в своих исследованиях и его учитель.² П. К. Коковцов ценил этого талантливую и своеобразного ученого, стихией которого были грамматические системы.

Проф. И. Н. Винников, возглавляющий в настоящее время кафедру семитологии (с разделами ассириология, гебраистика и сириология) в Ленинградском Государственном университете, совместил специализацию по этнографии и фольклору с прекрасными знаниями семитических языков. Основательным изучением средневековой еврейской литературы И. Н. Винников занимался у П. К. Коковцова,

¹ А. Я. Борисов. Эпиграфические заметки. Тр. Отд. Востока, Гос. Эрмитаж Л., 1939, стр. 221.

² Н. В. Юшманов. Загадочное *-m-* — ново-сирийского императива. Яз. и мысл. Л., 1935, т. V, стр. 93—96; Н. В. Юшманов. Сингармонизм урмийского наречия. Сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра“, Л., 1939, стр. 295—314.

вслед за которым он продолжал чтение соответствующих курсов и текстов. В списке трудов этого специалиста по этнографии, изучившего язык и фольклор арабов Средней Азии, имеются статьи, привлекающие талмудический материал, как, например, „О вторичном погребении и культе кедра“, „О возникновении института «избегания» avoidance“, в которых автор выразил свою глубокую благодарность — „Моему учителю академику П. К. Коковцову“.¹

В Ленинградском университете продолжает развиваться еще одна из многочисленных и очень важных отраслей семитологии: работы по ассириологии П. К. Коковцова положили начало целой школе специалистов, из которых талантливый В. К. Шилейко и его ученик А. П. Рифтин смогли упрочить положение ассириологии и привлечь студентов. Оба упомянутые ученые опубликовали новые шумерийские и вавилонские тексты из коллекций, хранящихся в ленинградских музеях и библиотеках, сочетая свою научно-педагогическую работу с научно-исследовательской.²

Из школы П. К. Коковцова вынес свои знания по семитической эпиграфике и ассириологии профессор Тбилисского университета Г. В. Церетели. Это позволило ему поставить соответствующие курсы и вести сложную расшифровку найденных в Закавказье халдских и пехлевийско-арамейских надписей. Армасская билингва, в греческой части прочитанная проф. С. Каухчишвили, была им прочитана во второй части, написанной арамейским шрифтом.³

Специально по библейской литературе и истории израильского народа занимался у П. К. Коковцова И. Г. Бендер. Болезненность не помешала ему вести занятия в университете и дать несколько интересных работ по библейской критике,⁴ по истории Израиля, по расшифровке текстов Рас Шамры. Библиография редких книг из Bibliotheca Fridlandiana, хранящаяся в Институте востоковедения Академии Наук СССР, издавалась И. Г. Бендером под редакцией П. К. Коковцова. Война, а затем смерть обоих участников этого издания остановили выход следующих выпусков этой библиографии.

Сириологии как отрасли семитологии П. К. Коковцов отдал дань и как профессор, и как исследователь. Арамейское наречие христианского населения Ближнего Востока сохранило замечательные памятники средневековой письменности.

Пишущая эти строки имела счастье быть ученицей П. К. Коковцова, постоянно общаться с ним и работать под его непосредственным руководством. Благодаря начинаниям Павла Константиновича и сейчас в университете ведутся занятия по сирийскому языку и литературе, открыта аспирантура по сириологии. Сочетание исторического образования и знания сирийского языка позволили его ученице разработать новые разделы истории Ближнего Востока до арабского заво-

¹ И. Н. Винников. К вопросу о возникновении института «избегания» avoidance. Сб. этногр. матер., № 2 (1928), стр. 35—42. Winnikow. Die Doppelbestattung und die Überreste des Kultes der Zeder bei den Hebräern der talmudischen Periode. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft, Bd. LX (1930), SS. 209—231.

² В. К. Шилейко. Вотивные надписи шумерийских правителей. Клинописные тексты памятников Южной Месопотамии. Собрание Лихачева. Пгр., 1915; В. К. Шилейко. Фрагмент из Богазкея в собрании Лихачева. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. 25, 1918; А. П. Рифтин. Старо-вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. Л., 1937.

³ Г. В. Церетели. Армасская билингва. Тбилиси, 1941.

⁴ И. Г. Бендер. К вопросу о делении источников книги Бытия. Зап. Кол., востоковед., т. III (1928), стр. 395—416.

евания и продолжить работы своего учителя в области опубликования новых сирийских рукописных материалов.¹ Одно из исследований посвящено „Академику Павлу Константиновичу Коковцову, учителю и другу“.²

Глубоко и длительно П. К. Коковцов был связан с Академией Наук, в жизни которой он принимал постоянное и деятельное участие, пока его слабое здоровье не оказалось тому препятствием. Ему стали непосильны поездки, заседания и, как он сам признавался, тяжело было общение со многими людьми сразу. Он избегал этой тревоги, как и всего того, что заставляло его волноваться, и потому был вынужден отказываться от непосильных для него обязанностей. Всякий раз в самой корректной и строго выработанной форме он предупреждал о том, что не сможет принять участия в работе очередной сессии. Обязательность его была общеизвестна, и Президиум Академии Наук мог быть уверен в том, что письмо от акад. П. К. Коковцова к очередной сессии придет, из него узнают, что его здоровье несколько слабо и что он не сможет присутствовать на заседаниях.

Темперамент и даже задор Павла Константиновича, о которых, быть может, многие из его знакомых и не подозревали, наиболее ярко сказались при участии его в процессе Бейлиса в Киеве, куда он был приглашен в качестве эксперта. Выступление крупнейшего семитолога, человека кабинетного склада и как будто совершенно оторванного от жизни, произвело сильнейшее впечатление. Трудно себе представить более отвлеченного человека, чем акад. П. К. Коковцов, занятого исключительно разрешением чисто научных проблем, интересы которого тогда преимущественно лежали в относительно узкой сфере научных знаний. И вот этот человек оказался вдруг в самом центре большого судебного процесса, где его слово как эксперта решало все. Дело это имело большое общественное значение, и правительство встретило решительную оппозицию со стороны всех передовых слоев общества, которую поддерживали и за границей. Выступление Павла Константиновича несомненно было актом большого гражданского мужества и решимости.

До самых последних лет своей жизни он с задором и горячностью возвращался к своим выступлениям и участию в этом процессе. Отдавая себе отчет в том, как велик был его научный авторитет, он понимал, как властно прозвучало его слово для того, чтобы снять клевету с евреев, и гордился тем, что он это сделал.

Последние годы его жизни протекали в замкнутом кругу людей и событий, но интересы его касались самых разнообразных предметов. Он читал газеты, следил за международными отношениями, интересовался жизнью Академии Наук и отдельных ее членов, университетом. Он почти не выходил из дому, особенно зимой, но радовался посещениям, дружеской беседе и общению с учениками.

В лице Павла Константиновича ушел последний представитель блестящей плеяды старшего поколения русских востоковедов, к которой принадлежали покойные С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, Б. А. Тураев, Ф. А. Розенберг, рано умерший П. М. Мелиоранский. Это старшее поколение было собственно вторым, принявшим свои знания от В. Р. Розена, О. Э. Лемма, Д. А. Хвольсона. Среди

¹ N. Pigoulewsky. Fragments syro-palestiniens. Revue biblique, 1934, № 4, стр. 1—9, табл. XX; Н. В. Пигулевская. Сирийский и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. Сов. востоковед., т. I, 1940, стр. 214—234, табл. I—III.

² Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941.

всех этих громких имен, стяжавших мировую научную славу русскому востоковедению, имя П. К. Коковцова занимает почетное место. В науке он подвизался „подвигом добрым“, проложил новые пути, после себя он оставил превосходные труды и учеников, донне продолжающих его дело в стенах Ленинградского университета.
